

Вдвоём с Хасэгавой Тору в комнате общежития всё ощущалось совсем иначе, чем днём.

Это было скрытое, неведомое другим время, принадлежащее только им двоим.

Морофуси Хиромицу поджал губы, подавляя нахлынувшие чувства.

Поскольку в общежитии не было общих бытовых помещений вроде кухни, в комнате Альфы имелся собственный электрический чайник. Сейчас он как раз закончил кипятить воду и отключился, а над ним, словно белый туман, поднимался пар.

Альфа достал из шкафчика — который, если присмотреться, был до отказа набит сладостями — привезённый из дома порошковый чай матча и заварил по чашке для каждого.

Морофуси Хиромицу с некоторым недоумением спросил:

— Тору, неужели инструкторы не приходят к тебе с обысками, чтобы изъять запрещённые вещи?

Хасэгава Тору посмотрел на ароматный напиток в чашке и предельно честно покачал головой:

— Наверное, забывают. Да и эти вещи там были изначально.

Он имел в виду те самые дорогостоящие деликатесы, которыми был забит шкаф.

Скорее всего, это дело рук всё тех же упрямых политиков-Альф. Они не желали расставаться со своими привилегиями, но прекрасно понимали, что новое поколение молодёжи презирает старую политику, сохраняющую за Альфами особые права.

Они надеялись вырастить из талантливого юноши опору для себя на будущее, и их взгляд пал на Хасэгаву Тору — молодого, доверчивого и поступающего на госслужбу.

Кто же знал, что, как только станут известны результаты письменных экзаменов, выяснится, что он подал документы в полицейскую академию.

Даже после того, как его «отсеяли» на собеседовании, они не оставляли попыток подкупить Альфу, засыпая его подарками.

Но Хасэгаве Тору было совершенно плевать — он привык к скромному быту, а порой, устав во время охоты на демонов в глуши, мог уснуть прямо на дереве.

Попытки политиков подкупить его были заранее обречены на провал.

Морофуси Хиромицу сидел на кровати, сжимая в руках чашку с чаем, которую ему насильно вручил Хасэгава Тору — чашка была с термозащитой, — и любопытно хлопал своими кошачьими глазами.

— ...Тору?

Казалось, он впервые не мог понять, что именно задумал Альфа.

Что же делал Хасэгава Тору?

Он просто хотел, чтобы Морофуси Хиромицу стало хоть немного легче на душе.

Хотя Хасэгава прекрасно понимал: в такие моменты никто не способен по-настоящему исцелить рану, которая никогда не затянется, — даже время здесь бессильно.

Поэтому всё, что он мог предложить — это чашка горячего чая и молчаливая поддержка.

Единственный стул в комнате был тесноват для двоих, поэтому, чтобы сесть вместе, приходилось прижиматься друг к другу. Кареглазый юноша просто сел на пол, скрестив ноги у самых ног Морофуси, и отставил свою чашку в сторону — для него чай был слишком горячим. Он поднял взгляд:

— Хиромицу.

Морофуси, который всё это время не сводил с него глаз, в этот момент словно утонул в этом янтарном блеске.

— Что такое? — тихо спросил Омега, чувствуя, как мягкость в его сердце нашла выход и потекла навстречу этому сияющему золоту.

Хасэгава Тору прищурился:

— Просто я подумал, что твоё имя звучит очень красиво. Оно тебе невероятно подходит.

Черноволосый юноша замер.

Кажется, прошло очень много времени с тех пор, как кто-то говорил Морофуси Хиромицу нечто подобное.

В последний раз это было, наверное, в начальной школе, когда учитель задал тему о происхождении имён.

Тогда он ещё не понимал всей той любви, которую вложили в это имя его родители.

Ресницы Морофуси дрогнули, в глазах отразилась лазурная рябь:

— Тору, ты...

Хасэгава Тору приложил указательный палец к губам, прерывая его, и его глаза наполнились теплом:

— Хиромицу, вечером, после переключки, я отведу тебя в одно место.

Черноволосый Омега посмотрел на Альфу, который смотрел на него снизу вверх, и кивнул. Он не стал спрашивать зачем и куда.

Хасэгава Тору поднялся с пола, снял свой ошейник и подался вперёд:

— Тогда поторопимся!

В тот момент, когда Морофуси Хиромицу выпустил свои феромоны, Хасэгава Тору инстинктивно вцепился в край кровати. Он был ошеломлён, его зрачки расширились, а ноздри мелко подрагивали.

Он стал похож на щенка, который пытается по запаху что-то выяснить.

Морофуси смотрел с сомнением — реакция Хасэгава не была похожа на страх, но и нормальной её назвать было нельзя.

Лес, морской бриз, свежий сладковатый сок, сочащийся из сломанных сочных стеблей растений, пузырьки, сверкающие на солнце и разбивающиеся о морскую гладь при первом же порыве ветра.

Это всегда вызывало в памяти самые светлые детские воспоминания — ту первозданную чистоту, когда ещё ничего не случилось.

Будь то воспоминания Морофуси или его собственные — даже если тогда они ещё не были знакомы.

Впрочем, как и говорил Хасэгава Тору, если вчера он с трудом сдерживался перед Мацудой Дзимпеем, то сегодня, рядом с Морофуси, у него не было ни малейшего желания сопротивляться. В этом приятном аромате ему хотелось просто прикорнуть рядом.

— У меня не получается, — Хасэгава Тору слегка опустил плечи, прижавшись щекой к краю кровати, отчего его лицо стало выглядеть по-детски милым. — Как только я думаю о том, что нужно атаковать Хиромицу, они просто не хотят слушаться.

Хасэгава свалил всю вину на «субъективное желание» своих феромонов, хотя прекрасно понимал, что сам ими управляет. К тому же...

— К тому же, твои феромоны тоже совсем не похожи на атакующие.

Кареглазый юноша поднял взгляд, встречаясь с глазами Морофуси — глубокими, как небо после пролёта птиц.

Феромоны вокруг ластились к волосам, цеплялись за пальцы, но в них не было ни капли агрессии.

— Ну, тут ничего не поделаешь, — рассмеялся Морофуси Хиромицу.

Он не был дураком и видел, что юноша говорит это лишь для того, чтобы поднять ему настроение. В такой ситуации разве мог он поднять руку на того, кто проявил к нему столько доброты?

— И правда, ничего не поделаешь.

Глупый Альфа, не понимая мыслей друга, просто глупо улыбнулся в ответ.

В полицейской академии отбой обычно в десять вечера, а до этого дежурный инструктор проводит обход и перекличку.

Как только прозвучал сигнал, во всём общежитии погас свет. Морофуси Хиромицу лежал на своей койке в тишине, дожидаясь нужного времени. Отсчитав десять минут, он открыл глаза в темноте и переоделся в заранее приготовленную одежду.

Его комната находилась на невысоком этаже, поэтому, тихо открыв дверь, он без труда

добрался до туалета на втором этаже и выпрыгнул из окна.

Морофуси уверенно приземлился на ноги — он вовсе не собирался брать пример с Хасэгавы Тору, просто так было удобнее.

Пробежав через переулок под сиянием звёзд, он увидел в конце пути кареглазого юношу, который помахал ему рукой.

Они собирались сбежать, скрывшись от всех под покровом ночи.

Оба были в гражданской одежде — несмотря на глубокую ночь, они не были настолько глупы, чтобы разгуливать по городу в форме курсантов.

Перемахнув через ограду, они покинули территорию академии. Неподалёку, у выхода из переулочка, тихо стоял тяжёлый Харлей.

— Слишком медленно, — услышав шорох, человек с белыми волосами медленно вышел из тени. На его лице виднелись три длинных шрама, а раздражённое выражение делало его и без того суровое лицо похожим на физиономию главаря банды.

Когда его взгляд упал на них, Морофуси Хиромицу невольно напрягся.

— Старший товарищ Синадзугава! — Хасэгава Тору ничуть не испугался и радостно поприветствовал его: — Доброй ночи!

Морофуси тоже поздоровался.

Синадзугава Санеми отвёл взгляд и холодно ответил:

— Твой мотоцикл доставлен. Я пошёл.

Кареглазый юноша принял ключи:

— Спасибо за помощь.

Синадзугава, не оборачиваясь, махнул рукой, показывая, что не стоит благодарности.

Белое хаори взметнулось, обнажая закреплённый на поясе Клинок Нитирин.

Хасэгава Тору давно не садился за руль своего мотоцикла — тот всё время хранился в мастерской Синадзугавы, а ухаживал за ним Генъя. Лишь сегодня Хасэгава вспомнил об этом и связался с Синадзугавой Генъей, но никак не ожидал, что приедет старший брат.

Конечно, телефон у него остался благодаря официальному разрешению — иначе как бы Отряд истребителей демонов связался с ним в случае экстренного задания?

Мотоцикл Альфы выглядел по-звериному мощно: чёрный корпус, тёмно-синие линии узоров — словно затаившийся хищный зверь.

Хасэгава завёл мотор, и мотоцикл отозвался утробным рёвом.

Держа шлем в одной руке, он с улыбкой кивнул Морофуси, который, казалось, ещё не до конца пришёл в себя:

— Поехали, Хиромицу.

Сидя на мотоцикле, Хасэгава Тору выглядел совсем иначе — в ночной тьме он излучал ту же агрессивную энергию, что и его машина.

Морофуси Хиромицу подавил бешено колотящееся сердце и забрался позади. Теперь они сидели очень близко — весенняя одежда была тонкой, и он чувствовал тепло тела другого человека.

Омега невольно отодвинулся, но был тут же пойман Альфой, который обернулся.

— Надень шлем, — наказал Хасэгава Тору, протягивая запасной шлем из бокового кофра.

Он ведь только что нарушил кучу правил академии, неужели его всё ещё волнуют правила дорожного движения? Морофуси усмехнулся, но взял белый шлем и надел его.

— Крепче держись за меня, Хиромицу.

Хасэгава Тору, который тоже надел шлем, всё ещё беспокоился, что Морофуси держится на расстоянии, поэтому сам схватил его руки и обхватил ими свою талию.

Хотя он сам этого потребовал, но когда ладони Морофуси легли на пояс, Хасэгава невольно вздрогнул. Его глаза расширились от неожиданности — странное ощущение от прикосновения побежало по нервным окончаниям прямо к позвоночнику. Это было что-то непонятное, чему Альфа не мог найти объяснения.

К счастью, чувство быстро прошло.

Он отпустил руки Морофуси и произнёс через шлем глухим голосом:

— Не отпускай, Хиромицу.

Морофуси Хиромицу не ожидал, что реакция Хасэгавы на прикосновение к пояснице будет такой явной. Ему стало забавно, и он решил сгладить неловкость:

— Не волнуйся.

Харлей издал низкий рык. Шум ветра разбивался о прочный шлем, но ощущение, что стоит только разжать руки — и тело улетит в пустоту, заставляло сердце биться в разы быстрее.

Все тревоги унёс стремительный поток воздуха, и в этот момент Хасэгава Тору полностью владел его сердцебиением.